
Д. В. ВОРОБЬЕВ, В. И. СЫРОВ

**ОБ ИДЕЯХ НИЧТО,
ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ,
ДИСКРЕТНОСТИ ПОСТИЖЕНИЯ
И НЕДИСКРЕТНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ**

Есть вопросы, которых никто более не касался. И не потому, что на них был когда-то дан четкий ответ, не потому, что они решены или же надоели, но потому, что боятся их решать. Не сговариваясь, соглашались их считать недоступными пониманию или, напротив, лишеными всякого смысла, полагаясь при этом, с одной стороны, на ограниченность наших способностей в области мысли, а с другой стороны, на иную особенность этих же самых способностей. А именно – на парадоксальность мышления, которая заключается лишь в том, что мы сами же ставим условия и все время стремимся загнать себя в рамки каких-то своих представлений, из которых не в состоянии выбраться. При этом в каждом из случаев мы скорее готовы признать свою слабость, сослаться на несостоятельность и даже ущербность мышления, чем сделать попытку дать четкий ответ. Но время от времени должно заглядывать в эти архивы мнимо решенных вопросов. Зависшие где-то мертвым остатком, они создают всякий раз неудобство, рождая в душе неприятное чувство сродни боли потери, которую не устранили, но лишь приглушили, загнали «в себя».

Одним из вопросов подобного рода служит вопрос относительно связи идей виртуальной реальности и идеи *пустого ничто* (как идеи отсутствия). Что есть *ничто*? Существует оно или нет? Если да, существует, то в виде чего? В виде предмета действительности либо в виде ментальной конструкции? Либо и в том и в другом? Если оно существует лишь в виде ментальной конструкции, а действительность не содержит в себе никакого *ничто*, то какова его роль среди прочих ментальных конструкций, подменяющих эту

действительность? Каков механизм его появления? И почему оно возникает?

Впрочем, если мы говорим об идеях отсутствия и виртуальной реальности в свете их непосредственной близости, в непосредственном их отношении, то мы каждый раз мыслим их связь исключительно в свете лишь их отношений с идеей реальной действительности. Это значит, что если мы говорим о *ничто*, говоря вместе с тем: «виртуальная», «виртуальность», «виртуальный аналог реальной действительности», – то, вне всяких сомнений, уже очевиден тот факт, что, помимо «отсутствия» и «виртуальной реальности», мы говорим о самой постигаемой нами реальной действительности. При этом ее виртуальный аналог уже представляет собой отсутствие этой действительности. То есть ее же *ничто*.

Кроме этого, можно сказать, что идея самой виртуальной реальности существует лишь в свете ее отношений с идеей *ничто* и идеей реальной действительности и что мы склонны рассматривать эту идею лишь в свете такого и только такого ее отношения; при этом *ничто*, безусловно, первично, то есть служит источником, первопричиной, необходимым условием «существования» такой виртуальной реальности. Вместе с тем как бы уже очевидно и то, что это последнее просто немыслимо вне отношения к первому, в то время как первое – мыслимо в силу хотя бы того, что первично.

Но, всмотревшись внимательно, мы обнаружим, что эта первичность условна. Что же касается наших идей, то их отношение можно скорее сравнить с отношением идеи какой-то конструкции или, скажем, кирпичной конструкции: здания, дома, и идеи того, из чего этот дом состоит. То есть первичность в идеях отсутствия и виртуальной реальности можно свести к упомянутой выше первичности между идеями дома и, например, кирпича. Что более значимо: дом или то, из чего состоит этот дом?

Можно будет, к примеру, сказать, что кирпич или то, из чего этот дом состоит. Очевидно, что дом состоит из стропил, обрешетки, фронтонов, полов. Чтобы жить в нем, нужна фурнитура, оконные блоки, цемент, тот же самый кирпич. Очевидно, что вне отношения со всем вышеуказанным существование здания просто немыслимо. Но, всмотревшись внимательно, мы обнаружим, что все это само по себе, то есть вне своего отношения с тем, что мы стро-

им, становится просто ненужным, бессмысленным хламом. Или, другими словами, суть равно бессмысленно.

Впрочем, если мы пожелаем прийти к пониманию тех отношений в идеях отсутствия и виртуальной реальности, в свете которых такая первичность (в уже упомянутых выше идеях) является чистой условностью, мы должны рассмотреть их в ином отношении. То есть не в отношении с одной лишь идеей реальной действительности, а скорее в отношении с тем, что мы называем идеей дискретного постижения этой реальности. Но что это означает: «дискретное постижение нами действительности»? Это значит, что в ходе ее постижения мы постигаем такую действительность не целиком, но лишь фрагментарно, выделяя из этой действительности разного рода отдельные ее части-фрагменты, то есть разного рода предметы и их состояния, и фиксируем эти предметы-фрагменты в сознании в виде конструкторов сознания. Воссоздавая действительность в форме ментальной действительности, мы берем отдельные снимки и «называем их вдоль некоторого абстрактного, однообразного, невидимого стержня-процесса», лежащего в основании «аппарата нашего постижения», и таким образом «заставляем действовать известного рода внутренний кинематограф»¹.

Это общее пояснение может быть легко дополнено определением кинематографа, согласно которому он представляет собой набор отдельных, законченных – в том самом смысле, что зафиксированных, – фрагментов², запущенных с определенной скоростью и в определенной последовательности. При помощи отдельных кадров (отличных относительно друг друга), каждый из которых представляет, к примеру, полк в неподвижном (законченном или, точнее сказать, зафиксированном) состоянии, кинематограф восстанавливает подвижность проходящего полка. Нужно лишь пра-

---

¹ Бергсон, А. Творческая эволюция. Материя и память. – Минск, 1999. – С. 339.

² Будет вернее сказать, что мы «не фиксируем этот фрагмент», а «фиксируем действительность в виде фрагмента». Равно как то, что мы «не запечатляем фрагмент», но «запечатляем действительность в виде фрагмента». Можно будет при этом сказать, что фрагмент – как какая-то часть постигаемой нами действительности – имеет конечную протяженность в пространстве (в силу опять же того, что он есть всего лишь какая-то часть), но вместе с тем обладает нулевой временной протяженностью. В этом, кстати, и заключается суть фиксации, а именно: в обнулении временной протяженности. Когда мы, следовательно, что-то «фиксируем», мы «лишаем» его временной протяженности, «обнуляем» его протяженность во времени. Ближайшим примером такого фрагмента является кинематографический снимок. Другим ближайшим примером – понятие.

вильно запустить эти кадры – предварительно спроецировав их на экран, – чтобы они быстро сменяли друг друга³.

Таким образом, можно еще раз сказать, что если мы говорим, например, о кинематографичности нашего постижения мира, то из этого следует полагать, что постижение этой действительности носит чисто дискретный характер, а именно: представляет собой набор отдельных и потому отличных относительно друг друга, конечных и сложенных в определенной последовательности «фрагментарных» частиц. Попадая, иными словами, в сферу нашего восприятия, действительность постигается нами не полностью, однако частями, то есть частично или, точнее сказать, фрагментарно.

Можно будет при этом сказать, что причину подобного рода дискретности в большей части своей объясняет привязанность этого постижения к уже готовым и сложившимся ранее представлениям. Воспринимая действительность, а затем постигая мышлением, мы таким образом как бы уже подгоняем ее, привязываем к готовым ментальным конструкциям, к знакомым нам умственным построениям этой действительности. Постигая, другими словами, действительность мыслью, мы в своем постижении выделяем из этой действительности в большей степени *только* те ее части-фрагменты, которые соответствуют нашим представлениям о ней, упуская при этом, как правило, все остальное. То есть многое из того, что нами воспринято или, точнее сказать, дано в восприятии, – из того, что мы видим и слышим, обоняем и осязаем на данный конкретный момент – наше сознание как бы блокирует, не давая не только постигнуть происходящее, но и даже запомнить его. Сам процесс постижения означает в какой-то мере «подгонку» сегодняшних представлений о мире под выделяемый нами конкретный фрагмент. Выделяя, иными словами, какой-то фрагмент (в виде действительного предмета), мы тем самым уже подгоняем его под собственные представления о мире и таким уже образом вкладываем в него некое собственное содержание, некую собственную умственную составляющую, которая соответствует нашим сегодняшним представлениям, то есть является результатом подогнанных или «урезанных» представлений о мире. Обретая затем статус независимого конструкта, она как бы тем самым уже подме-

---

³ Бергсон, А. Указ. соч. – С. 338.

няет собой выделяемый ранее нами фрагмент. И в этом смысле мы можем сказать, что мы пребываем не столько в мире действительности (не столько в мире действительных предметов), сколько в мире ментальных конструкторов – собственных умственных построений, подменяющих или, скорее, уже подменивших собою действительность.

Но вернемся к идее *ничто* и рассмотрим подробно механизм ее появления. Ничто, говорим мы, «существует» там, где «желаемой, искомой, необходимой, ожидаемой вещи – нет в наличии. Она не есть, то есть не существует... ничто, следовательно, означает неналичие, несуществование определенного предмета, определенного сущего»⁴. Пустота или ничто представляются, в принципе, простым отсутствием некоторого предмета⁵, который когда-то здесь находился⁶.

При этом всякое существо, не наделенное «ни памятью, ни предвидением, никогда не употребляло бы выражение “пустота” или “ничто”, оно просто отметило бы существование другого предмета, словом, того, что им воспринимается»⁷. Отсутствие чего бы то ни было, иными словами, «никогда не может быть воспринимается, воспринимается только присутствие той или иной вещи. Отсутствие существует только для тех, кто имеет память и ожидание»⁸.

Идея пустоты возникает в то самое время, когда в сознании возникает воспоминание прошлого, то есть, иными словами, воспоминание прошлого состояния предмета, тогда как в реальности уже существует другое его состояние⁹. Идея *ничто*, или идея отсутствия, представляется результатом, продуктом сопоставления между тем, что было и есть, тем, что мы представляем (тем, что сидит в нашей памяти в качестве представления), и тем, что реально уже существует взамен представляемого.

Итак, мы говорим, что отсутствие возникает в момент нашего сопоставления, сравнения прошлого или, иначе говоря, прошедшего, того, что сидит в нашей памяти в качестве представления, с су-

---

⁴ Хайдеггер, М. Время и бытие. – М., 1993. – С. 12.

⁵ Лем, С. Библиотека XXI века. – М., 2003. – С. 71.

⁶ Бергсон, А. Указ соч. – С. 311.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же. – С. 312.

существующим в настоящем действительно, на данный конкретный момент, то есть нашего представления с действительным, настоящим предметом. Или, иными словами, нашего представления несуществующего предмета с предметом, действительно существующим. Если при этом ничто есть продукт нашего же собственного сопоставления, произведенного нами в нашем же сознании и посредством нашего сознания – или, точнее сказать, посредством нашей способности мыслить и представлять, – то очевидно, что область существования такого предмета (а речь, мы напомним, идет о *ничто*) есть именно область сознания. Наше сознание есть, следовательно, единственная причина, источник существования такого предмета, то есть ничто есть не более чем результат нашей умственной действительности, сопоставления «в рамках» сознания.

Сопоставление это возможно лишь в силу дискретности постижения (нами действительности), согласно, напомним, которому мы постигаем такую действительность не целиком, постигаем, другими словами, не полностью, но лишь фрагментарно, выделяя из этой действительности разного рода предметы и их состояния (отдельные и потому различные состояния предметов). Именно в силу такой «фрагментации» и как следствие этого, в силу возможности выделить, мы обладаем возможностью сопоставлять (то состояние предмета, которое «было», с тем его состоянием, которое «есть»), что, как указано выше, является необходимым условием возникновения идеи *ничто*. Таким образом, можно сказать, что ничто как идея-конструкт является результатом дискретности в постижении нами действительности.

То есть отсутствие, или ничто, существует лишь в виде идеипонятия (в виде ментальной конструкции), помимо которого нет никакого ничто. Существование отсутствия есть всего лишь существование идеи отсутствия. Таким образом, можно сказать, что действительность не содержит ничто. Или, другими словами, действительность не содержит в себе никакого отсутствия, или, скажем, ничто, которое разделяло бы эту действительность на отдельные части-фрагменты и придавало бы ей характер дискретного, то есть характер дискретной действительности.

Итак, отсутствие, или ничто, возникает в сознании в виде идеи, помимо которой нет никакого ничто, и является результатом дискретности нашего постижения мира, то есть является следствием

нашего постижения мира, который сам по себе не дискретен и не содержит в себе никакого отсутствия.

Но если действительность не содержит в себе никакого ничто и ничто есть всего лишь идея, ментальный конструкт, то какова его роль (как конструкта) в реальности умственных построений – ментальных конструктов, которые подменяют собой действительность? Какова его роль в виртуальной реальности – как реальности умственных построений-идей, – подменяющей или, скорее, уже подменившей собой действительность? Чтобы дать четкий ответ на вопрос, попробуем выразить этот вопрос по-другому, иначе. Как уже было указано ранее, мы постигаем действительность не целиком, но лишь в виде отдельных фрагментов-частей – предметов и их состояний. К примеру, книга, лежащая рядом, – книга, упавшая с полки, – книга раскрытая. И «переносим» все это в сознание в виде ментальных конструктов, которые подменяют собою действительность, и, образуя реальность ментальных конструктов, только кажутся этой действительностью. Процесс «переноса» фрагментов в сознание заключается в том, что мы «подгоняем» под эти фрагменты-предметы свое содержание (которое соответствует нашим теперешним представлениям о мире; к примеру: летающая тарелка как инопланетный, космический корабль), вкладывая, таким образом, в них некие собственные умственные составляющие. Процесс же подмены действительности состоит в «отделении» этих составляющих от их же предметов. Отделяясь от них и обретая, следовательно, статус независимых конструктов, они как бы тем самым уже подменяют собой предметы действительности. Но, образуя реальность ментальных конструктов и подменяя тем самым действительность, они вместе с этим уже «обладают» присутствием некой идеи-конструкции. При этом такая конструкция – а речь, я напомню, идет об идее *ничто* – не является результатом обычной «подгонки» и, как следствие этого, не имеет эквивалентов-аналогов, то есть «предметов его приложения» среди «выделяемых» нами предметов действительности. Но если так, какова его роль в этом мире ментальных конструктов? Какова роль ничто как конструкта?

Как уже было указано ранее, в силу дискретности постижения всякий ментальный конструкт – как продукт постижения нами действительности – представляет собой всего лишь какой-то фрагмент,

какую-то часть. Таким образом, мир, представляемый ими (конструктами) в нашем сознании, состоит из отдельных фрагментов-частей, из отдельных – разрозненных и потому несвязанных – состояний (предметов), чего бы нельзя уже было сказать в случае недискретного постижения. О какой-либо необходимости связи фрагментов – отдельных, несвязанных состояний предметов – здесь не могло быть и речи. Состояния плавно бы переходили друг в друга, что исключало бы всякого рода потребность в наличии связей (впрочем, как и возможность самих состояний). В нашем случае присутствие этой связи является необходимостью. Ее роль и выполняет *ничто*. В этом смысле *ничто* замещает, является заместителем (или, точнее сказать, восполняет собою отсутствие) тех промежуточных и одновременно связующих состояний (предметов), которые мы упустили в процессе дискретного постижения. Роль ничто как конструкта в реальности умственных построений-конструктов уже состоит, таким образом, в том, что оно представляет собой наличие связи отдельных, разрозненных состояний предметов-фрагментов действительности, которые представляются в нашем сознании каждым из этих отдельных ментальных конструктов. Таким образом, можно сказать, что предметы и их состояния (этой представленной нами действительности) связаны между собой посредством ничто. То, что «было», отсутствует – связано через свое же отсутствие с тем, что присутствует, «есть». То, что присутствует, «есть» – представляет собой отсутствие этого «было», равно как и обратное. Действительное состояние любого предмета являет собой отсутствие прошлых его состояний, тех состояний, которые «были». Мы говорим, например, что «старик есть не юноша». Или что человек, находясь в состоянии старости, есть не тот, кем он был в состоянии юности, полагая под этим, что этот старик представляет собой отсутствие этого юноши, есть его же ничто...

Возвращаясь в конечном итоге к вопросу «подмены реальностей», хочется сказать несколько слов относительно их «соответствия». Это слово мы выделяем кавычками, поскольку речь здесь, скорее, идет об обратном. Так, ранее мы уже говорили, что мир умственных построений есть в своем роде преграда, барьер, отделяющий нас от действительности, подменяющий и выдающий себя за действительность. Оставаясь, другими словами, один на один с

миром собственных умственных построений, человек полагает, что именно это и есть тот действительный, подлинный мир, где он, человек, существует с самого что ни на есть начала – рождения. Но «заменяемость» этих реальностей не означает их «соответствие», равно тому, как «результативность» не означает здесь «адекватность». Результативность того, что мы называем «конструктом», вовсе не значит, что он адекватен реалиям нашей действительности. Делая ссылку на мысль современного автора, можно сказать, что источник многих ошибок-несоответствий кроется в огромном несоответствии между картиной мира (как системой базовых представлений о мире), которую создает человек и которой он оперирует, и действительностью, законы которой ему до конца не известны¹⁰.

Но тогда возникает резонный вопрос: можно ли выйти за рамки таких представлений-конструктов? Очевидно, что нет. Последовательно оглядываясь, прибавляя к уразумению весь опыт вновь пройденного пути и в конечном итоге «пробившись» за рамки этой реальности, мы попадаем в реальность иных представлений. Разорвать этот круг и увидеть воочию подлинный мир, стать с ним лицом к лицу у нас нет ни единого шанса, ни единой возможности, и, если честно, не очень-то хочется.

Первый шаг к освобождению есть осознание препятствий, словом, того, что ты несвободен. Будь то, например, несвобода физическая или же несвобода, рожденная этой реальностью умственных построений. Но если все это действительно так, то выход за рамки своих представлений к реалиям внешнего мира – возможен? Через осознание этой своей несвободы в реальности собственных представлений? Быть может, путь к абсолютной свободе и есть осознание этой реальности?.. Стоп. Все дело в том, что сама постановка такого вопроса уже вызывает достаточно странное чувство. Это трудно назвать ощущением глупости или какой-то особой нелепости. Это даже не столько нелепость или там, скажем, опять же абсурдность, сколько просто ненужность. И если в нас что-то рождает действительно, по-настоящему, то рождает одно лишь: «зачем»? Да и надо ли?

Видно, очень уютно в нашем зыбком, призрачном мире.

---

¹⁰ Грязнова, Е. В. Виртуально-информационная реальность в системе «Человек – Универсум». – Н. Новгород, 2006. – С. 254.